

УДК 316.43

*О.А. Богатова, Е.Н. Гусева***ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ В ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТОЛИЦ РЕСПУБЛИК В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИЖЕВСКА И САРАНСКА¹**

В статье анализируются социальные практики меморизации и этнизации в процессе постсоветской трансформации архитектурного ландшафта столиц финно-угорских республик республиканскими элитами с целью конструирования устойчивой региональной идентичности столичного населения на примере Республики Мордовии и Удмуртской Республики. Цель исследования заключается в выявлении основных социальных технологий использования культурно-символических аспектов городской архитектурной среды, включая и историко-культурное наследие, и вновь созданные в целях «мемориального менеджмента» и придания этнического колорита элементы, тенденции их эволюции, и основные результаты использования таких технологий в постсоветский период. На основе данных стандартизированного наблюдения сравнивается интенсивность концентрации этнизации городской архитектурной среды, выявляются основные места концентрации знаков этничности и исторической памяти в городском пространстве Ижевска и Саранска, общие черты, стратегические особенности, результаты и ограничения в исследовательской перспективе социологических концепций политики идентичности и исторической политики, социологии города, публичных пространств, «мест» и «не-мест». Описываются основные вербальные (язык вывесок, лозунгов), монументальные (скульптура, памятные знаки, архитектурный декор зданий, лестниц, фонтанов и т. п.), визуальные (социальная реклама, этническая символика в иллюминации, праздничное оформление зданий) средства этнизации дизайна городской среды, а также архитектурные образы, указывающие на альтернативные этническим стратегии формирования столичной идентичности. Выявляются общие тенденции и проблемы, связанные с перепланировкой городской среды и трансформацией «высокомерных» советских общественных пространств в места отдыха и общения. К числу ограничений эффективности исторической политики и политики этнизации городских пространств автор относит сознательную реализацию альтернативных стратегий формирования городской идентичности различными социальными субъектами, привязку знаковых архитектурных объектов – к «пустым» псевдопубличным пространствам или спортивным сооружениям, не являющимся «якорными» объектами, создание насыщенных символикой транзитных пространств в статусе «не-мест», визуальная этническая специфика которых недоступна для обозрения тем, кто их использует.

Ключевые слова: социальная идентичность, город, этнизация городских пространств, политика идентичности, республики в составе Российской Федерации.

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-409-429

Введение

В ряде республик в составе современной Российской Федерации актуальная проблема формирования столичной идентичности на основе синтеза городской и республиканской идентификации решается посредством этнизации и мемориального менеджмента публичных пространств. На примере столиц финно-угорских республик Поволжья – Мордовии и Удмуртской Республики – можно выявить общие тенденции и проблемы, связанные с реализацией данной политики идентичности в процесс реконструкции городской среды и создания новых пространств, обладающих символической значимостью.

Объект и предмет исследования

Предметом нашего исследования является использование таких элементов конструирования городской идентичности столиц республик в составе современной Российской Федерации, как создание «инфраструктуры памяти» и этнизация городской среды на примере столиц финно-угорских рес-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научно-исследовательский проект «Роль исторической памяти в конструировании общегражданской идентичности молодежи: региональный аспект», грант РФФИ № 18-411-130004 p/a).

публик Поволжья – Мордовии (г. Саранск) и Удмуртской Республики (г. Ижевск) – в качестве эмпирических объектов исследования. Цель исследования заключается в выявлении основных социальных технологий использования культурно-символических аспектов городской архитектурной среды, включая и историко-культурное наследие, и вновь созданные в целях «мемориального менеджмента» и придания этнического колорита элементы, а также тенденции их эволюции и основные результаты использования таких технологий в постсоветский период.

В соответствии с целью исследования были определены следующие задачи:

– выявление степени обусловленности воспринимаемых этнических, мемориальных и иных поддерживающих отсылку к историческому прошлому культурных особенностей архитектурной среды центральных частей Ижевска и Саранска историко-культурным наследием обоих городов (сохранения застройки исторического центра и её интеграции в современную архитектурную среду);

– выявление основных зон пространственной концентрации «инфраструктуры памяти» и этнизированных пространств в архитектуре городских центров;

– определение основных символических средств и социальных практик этнизации городских пространств Ижевска и Саранска;

– оценка степени влияния архитектурных средств политики республиканской идентичности на восприятие жителей и визитеров столиц Мордовии и Удмуртской Республики.

Методология и методы исследования

Методологической базой исследования послужили структуралистско-конструктивистские теоретические подходы к проблеме идентичности социальных групп, «политике памяти», «политике идентичности», теории коллективной исторической памяти и «мест памяти», социология города, включая теорию символической экономики, градостроительного «высокого модернизма», псевдо-публичных пространств и стратификации городского пространства на «места» и «не-места». Эмпирической базой исследования послужили данные невключенного наблюдения в центральной части г. Ижевска и г. Саранска в период 2017–2018 гг., а также данные социологических опросов и фокус-групп; информационной базой для изучения репрезентаций образов столиц республик в политике городской идентичности применительно к архитектуре общественных пространств послужили краеведческая литература, путеводители и стратегические документы по проблемам градостроительства и благоустройства Ижевска и Саранска. В процессе сбора данных применялись методы социологического наблюдения, исторического анализа, качественного социологического анализа и вторичного анализа данных социологических опросов. Временные рамки исследования соответствовали подготовке к матчам чемпионата мира ФИФА в 2018 г., способствовавшей активизации деятельности по благоустройству и символической маркировке архитектурной среды центральной части Саранска, наиболее доступной для иностранных визитеров-болельщиков.

Наличие у полноценной городской архитектурной среды, наряду с утилитарными, символических компонентов (специфического культурного текста [1. С. 89-98] и эстетической привлекательности обуславливает ее идентификационную функцию, которая заключается в способности быть одновременно объектом идентификации, маркером и инструментом производства городской идентичности. Современные социальные теории города рассматривают его социальную идентичность в качестве продукта определенной градостроительной политики и политики идентичности, включающей такие компоненты, как символическое оформление, брендинг, использование «мегасобытий», в том числе международных спортивных состязаний, в качестве перформативных средств нациестроительства [2. Р. 174], экономическое и культурное присвоение городской среды. С точки зрения урбанистики основой идентичности города как особого типа архитектурной среды является цельный образ города, включающий такие характеристики, как узнаваемость, пространственная или формальная соотнесенность объекта с наблюдателем и другими объектами, а также практическое или эмоциональное значение для наблюдателя [3. С. 20]. С социологической точки зрения городское поселение, будучи центром притяжения и анонимной функциональной коммуникации людей с разнообразными жизненными целями и амбициями, формирует символическую среду, которая регулирует циркуляцию потоков людей и ресурсов, необходимых для удовлетворения их потребностей [4. С. 98-100], структурирует физическое и социальное пространство города, контролирует и социализирует горожан и мигрантов [5. С. 4], демонстрируя символы власти, социальной иерархии, включая, по выражению А. Лефевра, «диверсификацию локусов, их противопоставление и маркировку», создание утопи-

ческих локусов, гетеротопий, изотопий [6. С. 167], значимых социальных ценностей в виде материальных элементов городской среды, социально одобряемых норм и практик их использования.

Ш. Зукин рассматривает визуальные репрезентации городской культуры и идентичности в качестве продукта «символической экономики» городов, в которой «совмещаются две принципиально важные для материальной жизни города производственные системы: производство пространства, в котором финансовые инвестиции взаимодействуют с культурными смыслами, и производство символов, которые являются и валютой коммерческого товарооборота, и языком социальной идентификации» [7. С. 377]. Основой социальной идентификации города и самоидентификации городского населения, с точки зрения Зукина, является ощущение «аутентичности» (связи с историческими корнями) городской среды, которое может основываться как на целенаправленном сохранении традиционного облика города и образа жизни, так и на символическом и функциональном «присвоении» городской среды новой доминирующей группой, которая вытесняет старожилов и преобразует город или жилой район в соответствии со своими [8. С. 64]. Более важной исследовательской проблемой по сравнению с поисками «подлинной» укорененной аутентичности, отличной от ее симулякров – продуктов «игры в аутентичность», Зукин считает использование субъективно воспринимаемой аутентичности в качестве инструмента власти, посредством которой группа, доминирующая экономически и политически, претендует и на моральное превосходство, навязывая свое видение города или района экономическими и архитектурными средствами.

Противоположная тенденция развития городской среды в эпоху глобального капитализма, по мнению Р. Сеннета, выражается в ее стандартизации, способствующей возникновению «псевдопубличных пространств», в целом не предназначенных для спонтанной коммуникации и служащих удовлетворению либо сугубо индивидуальных потребностей (торговые центры), либо «высокомерных» пространств, расположенных в людных местах, но с ограниченным доступом, свидетельствующих о деградации публичной сферы [9. С. 101]. С точки зрения М. Оже, подобные пространства, например стандартизированные транзитные зоны и иные места временного пребывания – дороги, аэропорты, сетевые гостиницы, больницы, лагеря беженцев и т. п., представляют собой «не-места» в том смысле, что они не связаны с идентичностью исторически сложившихся местных сообществ, не создают ее и не способствуют созданию социальных связей [10. С. 84]. Производство пространств в статусе «не-мест» Оже считает характерной чертой современной эпохи – «гипермодерна».

Восприятие городских архитектурных ландшафтов в качестве атрибутов «дома», «малой родины» горожан и жителей административного региона, центром которого является городское поселение, формирует чувство местного патриотизма, является фактором миграционного притяжения, а в ряде случаев способствует возникновению социальных движений с целью развития города или сохранения его историко-культурного наследия. Особенность столиц республик в составе современной России заключается в наличии дополнительных этносимволических функций создания узнаваемой и привлекательной культурной среды, служащей целям идентификации с республикой и ее административным центром для представителей «титовых» этнических групп населения этих регионов. Следовательно, если столичная идентичность административного региона включает идентификацию региона как объекта его влияния, то республиканская идентичность в качестве разновидности региональной идентичности в современной России, по мнению Л.М. Дробижевой, отличается тесной ассоциацией и сходством с этнической идентичностью «с точки зрения близости и реальности ее восприятия, традиционности ее воображения, большей легкости ее конструирования» [11. С. 192].

В отличие от городской, проблематика региональной и этнической идентичности в российских социальных науках часто эссенциализируется даже в тех случаях, когда объектом исследования является связь «этнорегиональной» идентичности республик в составе России и их столиц. В качестве основных подходов к изучению республиканской идентичности в России следует упомянуть эссенциалистско-группистский, представленный, например, концепцией этнорегиональных автономий пермской политологической школы, и конструктивистский, основанный на структуралистско-конструктивистской концепции региональной и этнической идентичности П. Бурдые и Р. Брубейкера. Первый подход, с нашей точки зрения, демонстрирует последствия «несчастливого брака конструктивистских клише и укорененного группизма» [12. Р. 8] в менталитете исследователей, рассматривающих этнические группы в качестве коллективных социальных акторов, которым приписываются в случае российских республик такие характеристики, как «культурно-психологическое ядро ценностей регионального социума, сложившиеся ментальные особенности» [13. С. 713]. На практике опре-

деление российских республик в качестве этнорегиональных автономий противоречит критериям таких административно-территориальных образований, используемых самими пермскими политологами, включая нормативное присвоение региону статуса «родины» определенной этнической группы, а также «особые преференции для титульной этнической группы в данном регионе, прежде всего гарантии доступа к власти (формальные или неформальные квоты при распределении властных позиций по этническому признаку), а также языковые/религиозные преференции» [14. С. 184].

Конструктивистский подход к проблемам республиканской идентичности и ее этнизации исходит из представления о социально сконструированном и перформативном характере категорий групповой идентичности, не столько отражающих, сколько формирующих существенные групповые особенности. Так, П. Бурдые, характеризуя категории идентичности как продукт символической борьбы социальных агентов за право на определение реальности и навязывание схем ее классификации, включает в число проблем, связанных с категориями идентичности, формы сопротивления доминирующим политикам идентичности – «символические стратегии презентации и саморепрезентации, с помощью которых социальные агенты противостоят навязываемым классификациям и репрезентациям их самих со стороны других» [15. С. 60]. Р. Брубейкер, основываясь на методологии Бурдые, рассматривает понятие идентичности скорее в качестве категории практики, чем в качестве категории анализа [16. С. 740], а также предпринимает попытку исследования манифестации этничности в городском пространстве и символической борьбы по поводу региональной идентичности в форме сопротивления символической политике румынизации венгерского этнического меньшинства в г. Клуже – административном центре румынской Трансильвании. Символическую политику, направленную на акцентуацию этнической идентичности «титульной» этнической группы (*cogne nation*) в государствах, относительно недавно получивших независимость, включая постсоветские, Брубейкер описывает в терминах «национализации» страновой идентичности путем обоснования необходимости распространения на все население страны ее этнических признаков в этнодемографической, культурно-языковой, образовательной, кадровой политике [17. Р. 1786].

В конструктивистской парадигме основные этнические атрибуты идентичности российских республик рассматриваются в качестве формы саморепрезентации этих регионов, продуктов республиканской политики идентичности, направленной, по характеристике российского исследователя А.Г. Осипова, на воспроизводство «упорядоченной и основанной на иерархии картины этнического пространства» [18. С. 183], выполняющих не инструментальные, а символические функции, так как «этническая» государственность республик, автономной области и автономных округов не является правовым институтом и вообще не определена и не закреплена в юридическом отношении» [18. С. 179].

В.Я. Гельман определяет региональную политику идентичности в целом в качестве «специфической деятельности региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [11. С. 192]. Е.Ю. Цумарова выделяет такие направления политики региональной идентичности, реализуемые в том числе в республиках, как символизация пространства, ритуализация принадлежности к сообществу, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление его символических границ [19. С. 18]. Г.И. Макарова отмечает такой аспект республиканской политики идентичности, как подчеркивание столичного статуса административных центров республик [20. С. 94], а также выделяет в качестве основных ее характеристик на материале Татарстана сочетание производства репрезентаций культурного многообразия республики и ее этнизации [21. С. 344]. Л.В. Сагитова доказывает, что республиканская «национализирующая» политика идентичности в постсоветский период выполняет функцию легитимации власти правящих элит республик и ее сохранения, несмотря на смену политических режимов на федеральном уровне [22. С. 313]. Аналогичный подход к формированию собственно городской идентичности представлен, например, в работах Е.В. Головневой, которая определяет идентичность города как дискурсивную формацию, включающую различные формы дискурса, создание которых включает активное использование административного ресурса [23. С. 202] и участие местных элит, особенно в целенаправленном производстве образов городской культуры в рамках политического дискурса в качестве инструмента преобразования социальной реальности [24. С. 61], а также сакрализации этих образов в дискурсе традиционной или «гражданской» религии в форме коммеморации выдающихся земляков, почитания объектов городской культуры (памятников, знаменательных мест, эле-

ментов ландшафта и т. п.), героизации событий истории города, организации их реконструкции в ходе городских праздников и ритуалов [24. С. 59].

Российские политологи описывают политику идентичности не только как символический менеджмент, но и как практический процесс управления различиями. С точки зрения О.Ю. Малиновой, в более широком смысле политика идентичности выполняет не только функции символической политики как «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [25. С. 14], но и функции закрепления их в системе правовых категорий и социальных отношений при наличии такой возможности [25. С. 15]. В данном случае применительно к национальным движениям и этнизированным политическим субъектам понятие политики идентичности используется практически в качестве синонима национальной политики. Эта точка зрения близка Р.Ф. Туровскому, описывающему три выделенные им основные модели национальной политики в постсоветских республиках (обеспечение доминирующих позиций титульного этноса во власти, закрепление позиции титульного этноса во власти ... через поиск оснований для легитимности сложившегося режима и демонстрации у него каких-то глубоких исторических корней и этнокультурной базы, либо регулирование распределения должностей между основными этническими группами) именно в категориях политики идентичности [26]. По его мнению, постсоветский регионализм как артикуляция особых региональных интересов является в основном результатом позднесоветской «суверенизации» республик в составе РСФСР, последующего распада СССР и использования республиканской идентичности в качестве модели регионального сознания в других субъектах Российской Федерации, а привязка региональной идентичности к центрам административных регионов, чьи границы неоднократно изменялись, также свидетельствует об относительной новизне этого явления и отсутствии глубоких исторических корней [27. С. 133-134].

Таким образом, в современных исследованиях проблем республиканской идентичности конструирование особых культурных образов столиц республик рассматривается в качестве одного из ключевых факторов формирования особенностей идентичности этих регионов России, связывающих политику региональной идентичности с национальной политикой и самоидентификацией «титульных» этнических общностей республик. В современной российской этнологии и социологии под этнизацией городского пространства понимается процесс манифестации, т. е. публичного выражения в нем этничности, основанного на ее мобилизации [28. С. 241], а также «актуализации этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями» согласно определению В.И. Дятлова и К.В. Григоричева [29. С. 8]. Наиболее мощным инструментом мобилизации этничности и этнизации городской среды В.И. Дятлов считает столицы бывших союзных и автономных республик, получившие вместе со столичным статусом функцию национального проектирования и строительства «титульных» этнонаций в форме пропаганды этнонациональной идентичности, политической «коренизации», создания институциональной инфраструктуры этнической культуры и образования, производства литературных языков, подготовки кадров национальной интеллигенции и т. д., что в совокупности «делало массу общественных отношений и связей этнически окрашенными, а этнический фактор – высоко актуальным в повседневной жизни» [28. С. 245].

Если В.И. Дятлов на примере Улан-Удэ делает вывод, что этническая функция до такой степени трансформировала социальную и этнодемографическую среду столиц республик, что этот процесс продолжает усиливаться и в постсоветский период, то Ю.П. Шабаетов описывает в целом поверхностный характер этого процесса – на уровне визуально воспринимаемых культурных «текстов» – в Сыктывкаре (столице Коми Республики), выделяя такие формы репрезентации коми этничности, как оформление зданий, фонарных столбов и оград этническим орнаментом, далеко не всегда аутентичным (включая коми и ненецкий), перевод вывесок с названиями улиц и организаций на коми язык, организация в городе мероприятий, служащих целям мобилизации и манифестации этничности – съездов коми народа, фольклорных фестивалей, размещение этнических организаций [1. С. 95-96].

Другой формой культурно-символического менеджмента городской идентичности, наряду с ее этнизацией, является «мемориальный менеджмент» [30. С. 305] в форме создания городской «инфраструктуры памяти». Концепт коллективной исторической памяти в современных социальных науках составляет предмет междисциплинарных исследований памяти (memory studies) и обозначает социальную конструкцию, представляющую собой репрезентацию исторического прошлого, принятую

сообществом и служащую для определенных целей, включая конструирование коллективной идентичности [31. С. 33], а также консолидацию или, наоборот, раскол общества, создание «образа врага», конструирование языка для обсуждения социальных проблем [31. С. 28].

По содержанию историческая память является «социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью» [32. С. 116]. Социальная память представляет собой совокупность коллективных представлений о прошлом, основанных на личном и коллективном опыте, как институционализированных, так и неформальных, основанных на устной традиции различных «коллективных субъектов памяти» [32. С. 24] – государственных и негосударственных социальных агентов, а также социально одобряемых практик обращения со знанием о прошлом (коммеморации), опирающихся на социальную «инфраструктуру памяти» – совокупность материальных символических ресурсов, включающую «памятники, музеи и мемориальные комплексы, государственные праздники, публичные ритуалы, топонимия пространства, произведения литературы и искусства, знаки, символизирующие солидарность (ленты, цветы и проч.) [32. С. 119].

М. Хальбвакс различает индивидуальную (внутреннюю) и коллективную (внешнюю) память, отмечая, что память индивидов и групп социально детерминирована, воспоминания сохраняются и редактируются в процессе их воспроизведения в соответствии с социальными установками и ценностями («рамками») коллективной памяти семьи, класса, нации, религиозной группы и т. д. [33]. Это противопоставление было переосмыслено в конце XX в. П. Нора, автором концепции «мест памяти», констатирующим распад механизмов «живой», спонтанной коллективной памяти, основанной на устной традиции и авторитете старших поколений, на фоне кризиса общенациональных исторических нарративов, вследствие чего существование коллективной памяти зависит от наличия «мест памяти» – институциональных источников знания о прошлом, включая «музеи, архивы, кладбища, лекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации. ... Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [34. С. 26].

В качестве инструмента «мемориального менеджмента» в социальных исследованиях памяти рассматривается «политика памяти», которая обозначает «всю сферу общественных практик и норм, устанавливаемых государством и связанных с регулированием коллективных представлений об истории, акцентированием внимания на одних сюжетах и замалчиванием или маргинализацией других» [35. С. 128]. По мнению А.И. Миллера, частным случаем политики памяти является историческая политика, в которой доминирующим нарративом, используемым в целях конструирования российской национально-гражданской идентичности, является «сплочение вокруг наследия прошлого, которым можно гордиться» [35. С. 130-131], и идеи великодержавности. К недостаткам официального исторического нарратива Миллер относит его эклектичность и дефицит развития связанной с ним «инфраструктуры коллективной памяти» [35. С. 134].

Таким образом, анализ ситуации в современных исследованиях памяти позволяет выявить такие проблемные пункты, как сконструированный и неполный характер репрезентаций исторического прошлого, оставляющий место для манипуляций массовым сознанием, зависимость коллективной памяти от материальной инфраструктуры, которая может быть недостаточной или неадекватной целям социально одобряемой политики памяти, и противоречие между потребностью в создании общенационального государственно-гражданского исторического нарратива и партикуляризмом целей коллективных субъектов памяти, создающим возможность конфликта интерпретаций.

Результаты исследования

Города Ижевск, ставший столицей Вотской автономной области в 1921 г. [36. С. 167], и Саранск, получивший статус столицы Мордовского автономного округа в 1928 г. [36. С. 467], в качестве объектов и субъектов этнизации имеют ряд сходных характеристик: оба являются относительно крупными городами, численность населения которых в XX–XXI вв. выросла более чем в 10 раз благодаря столичному статусу и индустриальному развитию. Доля населения каждой из столиц составляет около 40 % населения соответствующей республики, а доля представителей «титულიной национальности» – менее 30 % их населения. При этом численность населения Ижевска (648,2 тыс. чел. в 2017 г.) [37. С. 246] в рассматриваемый период постоянно превышала соответствующий показатель Саранска, население ко-

того составило в 1926 г. 15,4 тыс. чел., в 1939 г. – 41,2 тыс., в 1959 г. – 99,5 тыс., в 1970 – 208,9 тыс., в 1979 – 289,5 тыс., в 1989 г. – 339,4 тыс. чел. и в 2017 г. 348,4 тыс. чел.) [37. С. 259], в 2 и более раза. Оба города приобрели функцию «фабрик этничности» вместе со статусом столиц автономий, о чем, в частности, свидетельствует динамика увеличения доли удмуртов в Ижевске по сравнению с 2 % в 1897 г. [38. С. 20] и мордвы в Саранске в сравнении с 1923 г. (менее 3 %) [39. С. 46], и одновременно пережили в советский период существенную градостроительную трансформацию, которая имела совершенно разные последствия для городской культурно-символической среды и идентичности. Эти различия можно объяснить главным образом на основе соответствия или несоответствия целям советской модернизации исходного функционального назначения обоих городов (Ижевск – «город-завод», центр оборонной промышленности, типологически близкий к промышленным городам Урала; Саранск – типичный торговый уездный город), так и «эффектом» масштаба, так как Ижевск, еще не имея формально городского статуса до 1918 г., фактически представлял собой крупное по дореволюционным меркам компактное городское поселение, построенное вблизи крупного промышленного предприятия и поэтому имевшее все шансы сохранить историческую планировку и наиболее значимую часть дореволюционной застройки.

Для Саранска, основанного в 1641 г. в качестве острога (города-крепости) на Белгородско-Симбирской засечной черте и благодаря своему местоположению на перекрестке торговых путей из Крыма и донских земель в Поволжье ставшего торгово-промышленным городом, приобретшего в 1651 г. статус уездного центра (с 1780 г. – уездного города Пензенской губернии), основным результатом советской архитектурной реконструкции стали практически полная утрата архитектурного облика исторического центра, до революции состоявшего из «сакрального каркаса» соборов и церквей, торговых площадей, каменных купеческих особняков и Гостиного двора, и, как следствие, утрата связи архитектуры города с идентичностью местных сообществ. Обширные пустые пространства площадей, созданные на месте снесенных соборов, и составляющие их здания и монументы (например, расположенные по периметру Советской (бывшей Базарной и Соборных) здание обкома КПСС (1983 г., современное здание администрации главы Республики Мордовия), памятник Ленину с трибунами для руководства республики (1960 г.), здание Дома Советов (1940 г.), перестроенное здание учительской семинарии (в настоящее время – администрация городского округа)) образовали «неместа», лишенные собственной индивидуальности. Во многом эти градостроительные просчеты объясняются замедленной урбанизацией региона в целом, вследствие которой в городе происходила постоянная смена населения: выезд коренных горожан в более крупные города и рост населения за счет мигрантов из сельской местности, к числу которых относились руководители всех уровней и архитекторы, не дорожившие дореволюционным архитектурным наследием. Ощущение утраты старожилками «аутентичных» объектов самоидентификации передают, например, комментарии саранского краеведа С. Б. Бахмутова к альбому фотографий предназначенных к сносу зданий старого Саранска, сделанных в 1960–1970-е гг. его отцом Б.П. Бахмутовым: «Улица Демократическая, некогда 1-я Богословская... Здесь процветал тот тип отношений, который имел прямые связи с дореволюционным прошлым. Здесь царил несуетность, патриархальность, прочные традиции» [40. С. 49]; «На первый взгляд Низы больше смахивали на деревню, удобно расположившуюся под боком города, но только на первый: именно здесь Саранск бытовал так, как сложилось в XIX веке» [40. С. 198] и т. д.

На постороннего наблюдателя, судя по урбанистическому блогу, современный центр Саранска также производит впечатление одного из безликих российских городов, который «никому не интересен»: «А это центральная площадь. Просто всё закатано в асфальт – и пустота. ... Просто ужасное пространство. ... Вместо общественных пространств – парковки» [41]. Однако впечатления того же блогера от Ижевска также во много аналогичны и указывают на наличие общих градостроительных проблем: «Газоны постепенно исчезают, и дворы превращаются в асфальтовые пустыни для ненаглядных повозок. ... В Ижевске нет ярко выраженного центра. Ходишь по городу, и все время кажется, что где-то через квартал будет центр, но центра нет. Один большой спальный район. ... Если же говорить о развитии, для Ижевска важно сформировать центр города, который сейчас не имеет осязаемых границ. Причем эти границы размыты как географически – нет конкретной локализации центра, он разваливается на куски, – так и в смысловом плане: нет центрального места притяжения» [42].

Советская реконструкция Ижевска в статусе столичного города, начатая в более урбанизированном и более удаленном от Москвы промышленном регионе, при наличии определенного ядра городского населения, с более высокой экономической и градостроительной базой по сравнению с Са-

ранском, стала более растянутой по времени (первые 4-5-этажные типовые жилые дома и общественные здания в центре города были построены в конце 1920-х – начале 1930-х гг. [43. С. 164], а в начале 1960-х гг. появились первые 14-этажные здания [43. С. 195], и, несмотря на интенсивный рост населения («Перепись 1897 г. учла 41 тысячу ижевцев..., а уже в 1974 г. город отметил рождение своего полумиллионного жителя; не прошло и десяти лет, как в Ижевске родился 600-тысячный горожанин (1983)» [38. С. 21]), позволила избежать существенных градостроительных ошибок [44. С. 164].

Тем не менее Ижевск также испытал на себе такие последствия советизации, как утрата исторических названий улиц, разрушение исторической религиозной и жилой застройки, перемещение исторического центра и сходный с Саранском результат в виде появления «пустых» в социальном смысле пространств власти. В соответствии с генеральным планом застройки архитектурный центр города переместился с перекрестка улиц Советской и Максима Горького к северу, в район перекрестка Пушкинской улицы с улицей Наговицына, Карлутской и Центральной площадей. В настоящее время запущенное состояние старинных заводских зданий, в том числе памятника архитектуры – исторического 4-этажного административного Ижевского оружейного завода, – контрастирует с благоустроенной набережной Ижевского пруда, в районе которого эти здания расположены. Новый центр был застроен преимущественно советскими «высокомерными» административными зданиями с ограниченным доступом, по стилю аналогичными зданию Мордовского обкома КПСС, между которыми также были созданы обширные пустующие площади с дефицитом социальных функций.

Можно отметить определенное сходство в экспертных оценках градостроителей, разработавших рекомендации по развитию и реконструкции городской среды обеих столиц в 2010-е гг., и выявленных ими недостатках: концентрация публичных пространств преимущественно в центре города, вблизи административных зданий и спортивных сооружений, не являющихся «якорными» объектами для постоянного времяпрепровождения людей и не обладающих инвестиционной привлекательностью, неэффективное «использование городских площадей, которые выполняют в основном административную, а не публичную (коммуникативную) функцию.... Как следствие, в центре города формируются «мертвые» пространства» [45. С. 42-43] (Саранск); «Неиспользуемое пространство по краям площади, высокая ветреность, пустыньность территории»; «Открыто и пусто»; «Неиспользуемые территории» [46]; «Все занимаются каким-то базовым благоустройством, а нужно делать именно проект территории, такой живой территории, а не брусчатку перекладывать» [47. С. 11] (Ижевск).

Как показали групповые дискуссии на семинарах по реконструкции Центральной площади Ижевска, в большинстве случаев ее используют именно в качестве пешеходной транзитной зоны, т. е. типичного «не-места», которое идеологи реконструкции пытаются приспособить под другие социальные нужды горожан путем дополнительного зонирования [48. С. 5]. Аналогичным способом, как можно наблюдать, функционирует Советская площадь Саранска, а также созданная в начале 2010-х гг. Площадь Тысячелетия, хотя в обоих случаях городские власти стремятся приспособить их для народных гуляний и торговли в период новогодних праздников, детских городков (Площадь Тысячелетия в летний период, Советская площадь – в новогодний).

Таким образом, в настоящее время Ижевск и Саранск в качестве столиц республик в составе Российской Федерации имеют сходные проблемы, связанные как с модернизацией исторических архитектурных ландшафтов, так и с использованием городской архитектурной среды в целях репрезентации городской и республиканской идентичности. Социологические данные по обоим республикам позволяют заключить, что политика конструирования городской идентичности их столиц на основе республиканской оказывает существенное влияние на самоидентификацию столичного населения. По данным социологических исследований 2000-х гг., в этот период идентификация «Ижевск – столица Удмуртии» (80,9 % опрошенных) в сознании населения города являлась несколько более значимой по сравнению с идентификацией «Ижевск – город оружейников» (71,5 %) [44. С. 51].

Данные массового социологического опроса, предпринятого нами в Мордовии в 2017 г., показывают, что среди населения Саранска доля относящихся отрицательно (18,4 %) или скорее отрицательно (12,8 %) к идее объединения Республики Мордовия с более сильным в экономическом плане регионом России несколько выше, чем среди населения остальных городов и административных районов республики (соответственно 9,3 % и 14,1 %), что, судя по данным фокус-групп, проведенных автором в 2016 г., объясняется именно опасением утраты столичного статуса. Поселенческая идентификация («С кем из данных групп населения вы испытываете чувство общности, и в какой степени?») выражена «сильно» (15,4 %) или «довольно сильно» (41 %) в идентификационной матрице большин-

ства населения города, но ее значимость ниже по сравнению с другими значимыми категориями идентичности, например этнической («сильно» – 17,3 %, «довольно сильно» – 48,5 %), и российской (19,2 % и 47 %), за исключением республиканской (17,3 % и 37,6 %), и поволжской (11,3 % и 38 %), так как Саранск в настоящее время функционирует в качестве зоны транзита уже преимущественно не товаров, а людей в процессе миграции из республики в более крупные города.

В этой ситуации формирование у населения республик и их столиц региональной идентичности, включая желание оставаться жителями своих регионов, представляет собой актуальную проблему, входящую и в число задач столичной политики идентичности в Ижевске и Саранске, а этнизация городской архитектурной среды является одним из инструментов ее решения. Можно отметить, что, как и в сибирских республиках, являющихся объектом исследования В.И. Дятлова, данная политика осуществлялась органами власти Мордовской и Удмуртской АССР и в советский период. В качестве примеров можно привести установку монументов в честь предполагаемых дат присоединения территорий будущих республик к России («Навеки с Россией») в Ижевске в 1972 г. и в Саранске в 1986 г., увековечивание памяти деятелей мордовской и удмуртской культуры, вывески с «этническими» названиями предприятий торговли и бытового обслуживания в центральной части столицы. Эти формы этнизации традиционно были рассчитаны как на городское население, так и на визитеров из числа центрального руководства, а также приезжих из районов республик, которые должны были считать столичные города своими. Так, в центре Саранска уже в советский период работали ателье «Келу» и парикмахерская «Валдоня», а в 60-е гг. XX в. первые автоматы с газированной водой возле ЦПКиО им. А.С. Пушкина содержали оформление в виде рекламного лозунга: «Явавтык симемат!» («Утоли жажду» в переводе с эрзя-мордовского языка). Как отмечает С.Б. Бахмутов от имени старожилов Саранска, «что это значило – никто не интересовался» [49].

Эти технологии придания «национального колорита» городским пространствам используются и в постсоветскую эпоху: так, в Ижевске на эспланаде Центральной площади, ведущей к стеле «Навеки с Россией», появилась скульптура «Ижика» с характерными этническими коннотациями, а в Саранске на значительном расстоянии от монумента в честь 500-летия присоединения мордовского народа к Российскому государству в ознаменование изменения концепции исторической политики в отношении даты этого события в 2012 г. была сооружена Площадь Тысячелетия. Кроме того, изменение конституционного статуса республик в составе Российской Федерации по сравнению с советскими автономными республиками способствовало принятию ими законов о государственных языках, определивших язык вывесок государственных учреждений, а в некоторых столицах (например, Йошкар-Оле, Казани) – также вывесок частных предприятий, зарегистрированных в республике.

В Саранске специальным постановлением администрации городского округа от 4 мая 2017 г., в рамках кампании по подготовке к проведению в Саранске части матчей кубка ФИФА в 2018 г., было предусмотрено размещение в городе табличек с названиями улиц на четырех языках: русском, мордовском (мокша и эрзя) и английском, а также с прежними названиями улиц в случае их переименования (на русском языке) [50]. Крупный шрифт, бросающая цветовая гамма (белые надписи на синем фоне) и оформление табличек элементами государственной символики Республики Мордовия в виде солярных розеток способствовали хорошей видимости мордовских названий улиц, например: «Мордовская улица – Мокшэрзянь куро – Мокшэрзянь курось», «Юго-западное шоссе – Обедьенк-чивалгомась покшки – Лямбе-шимадома ширень оцюкись» и т. п. Крупные таблички размещались в основном возле перекрестков и на отдельных многоквартирных домах, в то время как на сохранившейся усадебной застройке, например вблизи туристической зоны на ул. Саранской, включая особняки с дизайнерскими табличками, можно увидеть только номера домов. В Ижевске названия улиц в 2017–2018 гг. не дублировались, однако на центральных улицах города можно было увидеть ряд названий магазинов и кафе («Италмас», «Ошмес» и т. д.) и обращений к потенциальным покупателям на удмуртском языке («Шумпотыса пумитаськом!» – «Мы рады видеть Вас!» и т. п.). В Саранске увеличилось количество вывесок с мордовскими названиями и рекламными слоганами на пр. Ленина: книжный магазин «Масторава», салон красоты «Мазыйка» (от морд-м. и э. «мазы» – «красивый»), продовольственный магазин «Мокшанка», слоган «Пек вадря!» («Очень хорошо!») на мебельном магазине и т. п.

Можно отметить определенные различия между государственно-муниципальными и частно-предпринимательскими инициативами в области этнизации городской среды в Ижевске и Саранске: «этнические» элементы оформления городских пространств (вывески, ограждения, клумбы) чаще

всего содержат государственную символику республик – солярную розетку, а в Саранске – также элементы спирального узора («крюки»), в то время как вывески на предприятиях торговли и сервиса основное внимание уделяют языку, включая названия, рекламу или описание графика работы (аптека «Максавит» на ул. Полежаева в Саранске). Однако солярная символика присутствует, например, в оформлении кафе «Горячий пельмень» в Ижевске и других регионах, а также в вывесках городских аптек на ул. Пушкинской в Ижевске.

Национально-государственная символика республик в дизайне городской среды позволяет рассматривать политику ее этнизации как часть «национализирующей» политики, направленной на придание республиканской идентичности более этнического характера наряду с огосударствлением идентичности «титупольной» этнической общности и соответствующей отмеченным В.К. Мальковой и В.А. Тишковым характеристикам символической политики республик, которые сводятся к «укреплению в массовом сознании идеи о реальности и незыблемости своей этно-национальной государственности» [51]. Термин «национализация», с нашей точки зрения, в наибольшей степени отражает цели этой политики и ее символическую связь с «титупольной» этничностью в республиках, в то время как этнизация городской среды в смысле публичного проявления этничности может быть связана с любой этнической группой в составе местного населения или с несколькими из них.

В задачи наблюдения, предпринятого нами с целью изучения степени этнизации городской среды финно-угорских республик в Ижевске и Саранске, входили:

1) выявление основных типов знаков «титупольной» – удмуртской в Ижевске и мордовской в Саранске – этнической идентичности в архитектурном ландшафте городских улиц и площадей;

2) измерение количества знаков каждого типа на каждой улице или площади в центральной части города;

3) определение степени этнизации дизайна архитектурной среды (низкая – 1–3 знака одного типа или 1–2 типа знаков, представленных в единственном количестве; средняя – 1–2 типа знаков, представленные в количестве 2–3 каждый или более; более 3 знаков одного типа; высокая – 3 и более типа знаков) и выявление наиболее этнизированных архитектурных зон;

4) выявление знаков конкурирующих социальных идентичностей (профессиональной, идеологической и т. п.) и основных зон их концентрации. Происхождение такого рода знаков может быть связано с преднамеренной «символической провокацией», как в исследовании Р. Брубейкера в г. Клузе в Трансильвании, выявившем разнообразие официальных и неофициальных социальных практик символического конфликта венгерской и румынской идентификаций на территории г. Клузы в виде, например, нанесения на городские указатели граффити с венгерским названием города – «Коложвар» – под румынским «Клуж», фотографирования на фоне памятника в таком ракурсе, чтобы избежать попадания в кадр румынского триколора и т. д. [12. Р. 3–4]. Однако в случае Саранска и Ижевска конкурирующие знаки идентичности, как правило, связаны с потребностями отдельных групп городского населения (например, халяльные кафе, магазины и ателье женской исламской одежды) или с архитектурным наследием дореволюционной (Ижевск) либо советской (Саранск) эпох.

В качестве объектов исследования были выбраны центральные части города, в основном соответствующие дореволюционной территории Ижевска (между ул. Кирова, ул. М. Горького, К. Либкнехта и Удмуртской, включая также набережную Ижевского пруда и проезд А. Ф. Дерябина) и Саранска (между ул. Ботевградской и Старопосадской – с запада, ул. Республиканской – с юга, ул. Васенко – с севера, пр. Ленина от вокзала до Советской площади, а также ул. Рабочей и Волгоградской со стадионом «Мордовия Арена» – с востока).

Результаты наблюдения в Ижевске и Саранске в 2017–2018 гг. позволяют выделить следующие актуальные способы «национализирующей» этнизации городской среды столиц республик.

1. Комбинирование символики гербов города и государственной символики республик и ее пропаганда при помощи оформления административных зданий, архитектуры, социальной рекламы, сувенирной продукции и символического оформления общественных мероприятий. Так, постсоветский герб Ижевска получил вместо силуэта башни главного корпуса Ижевского оружейного завода элементы растительности, символизирующие его связь с природой республики, и клещи, которые производят впечатление символа деиндустриализации. В Мордовской АССР эта тенденция проявлялась, например, в совмещении в советском гербе Саранска элементов его дореволюционного герба (лисица и три стрелы в серебристом поле, стилизованные уже в советский период в виде спирали и электродов электрической лампы) с узором мордовской вышивки. После восстановления в 1994 г.

исторического герба Саранска аналогичная тенденция нашла выражение во включении щита с гербом столицы в герб Республики Мордовия, способствовавшем формированию массового восприятия образа лисицы как символа республики через использование образа лисицы в сувенирной продукции и в качестве талисмана спортивных и общественных мероприятий, которое сопровождается его заметной этнизацией в виде придания ей элементов мордовского костюма, украшений и т. п.

2. «Этнические» названия вновь построенных или переименованных улиц и площадей столицы, в том числе в честь исторических или легендарных национальных героев. Так как Ижевск и Саранск избежали масштабного переименования улиц, эта тенденция проявляет себя в большей степени в новых, периферийных районах городов: так, в Саранске ул. Патриарха Никона была названа вследствие приписываемого ему мордовского происхождения, в новых районах усадебной застройки появились улицы Мазы и Акая Боляева и т. п. В центре города в результате реконструкции части ул. Богдана Хмельницкого, прекращения движения транспорта на этом участке и уничтожения зеленых насаждений возле республиканской библиотеки была создана уже упомянутая Площадь Тысячелетия, название которой отсылает к предполагаемому событию вхождения мордвы в состав Владимиро-Суздальского княжества около 1012 г.

3. Размещение в центральной части столицы офисов этноориентированных организаций с вывесками, отмеченное Ю. П. Шабаетым на примере Сыктывкара. Так, в Саранске в здании Мордовского национального драматического театра, построенного в 2008 г. на перекрестке ул. Рабочая и Советская, на месте каменного здания дореволюционного кинотеатра, находится офис Поволжского центра культур финно-угорских народов.

4. Общественные мероприятия, связанные с демонстрацией этнокультурных особенностей «титულიной» этнической общности, либо театрализованные представления в рамках «мегасобытий», также служащих формированию республиканской идентичности, включая 1000-летие единения мордовского народа с народами России в 2012 г. и матчи чемпионата мира по футболу в 2018 г. в Саранске, – фольклорные фестивали различного масштаба (от региональных до международных), съезды народов, мероприятия, связанные с международным финно-угорским сотрудничеством, включая финно-угорские конгрессы, международные научные конференции, молодежные форумы, юбилейные торжества и т. п. Такие мероприятия проводятся в соответствующей архитектурной среде и тем самым закрепляют ее этнические функции: так, на Площади Тысячелетия в Саранске в 2018 г. уже после окончания футбольных матчей проводились концерты фольклорных коллективов, на которые привозили зрителей из районов Мордовии, там же продавали «национальный» фастфуд.

5. Дублирование на нерусских государственных языках республик названий государственных и муниципальных учреждений и других организаций на вывесках, табличках и указателях.

6. Перевод на местные государственные языки названий улиц на вывесках в Саранске, существенно повышающий степень этнизации их облика.

7. Памятники национальным героям мордовского и удмуртского народам, установленные в основном в советский, но частично в постсоветский периоды (памятник скульптору С.Д. Эрзе (Нефёдову) в Саранске на ул. Коммунистической, перед Музеем изобразительных искусств его имени, памятник патриарху Никону на ул. Пролетарской).

8. Увековечивание памяти национальных героев (С.Д. Эрзи, Кузубая Герда и т. д.) в виде названий учреждений культуры и образования (музеев, образовательных учреждений, библиотек и т. д.), также осуществлявшееся как в советский, так и в постсоветский периоды.

9. Репрезентации «титულიной» этничности в социальной рекламе, включая билборды и «садовую» скульптуру, например статую Ижика, открытую в 2010 г. на Центральной площади в качестве талисмана Ижевска. Стендовая реклама может содержать поздравления и лозунги на нескольких государственных языках республик, портреты людей в костюмах титульных национальностей республик, этнические орнаменты. В качестве примеров можно привести плакат с поздравлением с Днем города на удмуртском языке и портретом юноши и девушки в удмуртских костюмах в Ижевске, плакат с изображением двух лис (символов Саранска), играющих в футбол, с елями, стилизованными под орнамент мордовской вышивки, на заднем плане, а также созданный к «миллениуму» плакат, изображающий женщину в условном «русском» костюме со спутницами, одетыми в мокшамордовский и эрзя-мордовский костюмы. Эта композиция, аналогичная по смыслу стеле «Навеки с Россией», использовалась в украшении города к кубку ФИФА, а впоследствии – в деревянной скульптурной композиции в ЦПКиО им. А. С. Пушкина.

10. Окраска общественных зданий в красный цвет в качестве «цвета республики» в Саранске; по выражению из интервью местного архитектора корреспонденту РИА, «существует негласное правило, чтобы в облике зданий обязательно присутствовал мордовский орнамент – «розетка». Второе требование – приверженность классике. В итоге на главных улицах Саранска появилось много зданий с колоннами, лепниной, шпилями, куполами и узорами. И многие из домов красные – это цвет республики» [52]. В «цвет республики», например, было окрашено после реконструкции здание Музыкального театра им. И.М. Яшуева, красную облицовку имеют здание Мордовского национального драматического театра и новый железнодорожный вокзал. Такая раскраска, судя по данным фокус-групп, проведенных исследователями из филиала ВГУЮ в Саранске в 2014–2016 гг., раздражает не только визитеров из числа блогеров-урбанистов, но и жителей республики: «...Слишком красное и слишком аляпистое»; «...Разухабистое, что еще скажешь» [53. С. 176].

11. Декор зданий и уличных сооружений (оград, клумб, тротуаров, фонтанов, металлических каркасов для праздничной иллюминации, размещенных на фонарных столбах, и т. п.) в виде государственной символики республик и других орнаментов с «титულიной» этнической спецификой. Упомянутая саранским архитектором солярная розетка из-за сходства республиканской символики широко используется как в Ижевске, так и в Саранске.

12. Поздравления и другие надписи (например, выполненные при помощи новогодней иллюминации) на нерусских государственных языках республик, размещенные на городских зданиях.

13. Памятные знаки, напоминающие о реальных или гипотетических событиях этнической истории, включая монументы «Навеки с Россией», а также «Камень тысячелетия» в Саранске на Площади Тысячелетия, на котором выгравирована длинная цитата из речи В. В. Путина об участии финно-угорских народов в создании Российского государства, плохо читаемая из-за небольшой контрастности с серой поверхностью камня и относительно небольшого шрифта.

14. Создание архитектурных зон, репрезентирующих «титულიную» этничность в виде целого комплекса капитальных сооружений и элементов декора. Этот процесс в Ижевске и Саранске развивается в соответствии с разными градостроительными тенденциями. В Ижевске «новый» центр, сооруженный в соответствии с Генеральным планом застройки города 1950-х гг. на месте снесенных промышленных помещений, был достаточно просторным, чтобы разместить здания и монументы разных эпох, вследствие чего наиболее этнизированной архитектурной зоной стала Центральная площадь, где разместились административные здания с гербами Удмуртской Республики, стенды с портретами и биографии выдающихся уроженцев республики с надписями на удмуртском языке, республиканский театр оперы и балета, кафе сети «Горячий пельмень» со слоганом «Удмуртия – родина пельменей» и солярной розеткой, статуя Ижика и оформленная в виде аналогичной розетки лестница на спуске к монументу «Навеки с Россией». В Саранске Советская площадь, визуальна перенасыщенная советской символикой в виде герба на фронте Дома Советов, серпа и молота на здании обкома и памятника Ленину, оказалась неподходящим местом для демонстрации постсоветской республиканской идентичности и ритуального общения населения с политическим руководством, которое переместилось на трибуну мемориального музея на соседней Площади Победы.

Этнизированные архитектурные зоны в центре Саранска были созданы поблизости от Советской площади, на территориях, рекомендованных для посещения туристами на карте, изготовленной республиканским туристическим центром к ЧМ-2018 [54].

1. На запад – на созданной возле Вечного огня Площади Победы, центром которой явился открытый в 1970 г. монумент Вечной славы, изображающий коленапреклоненного бойца и женщину в эрзянском головном уборе, вручающей ему меч, рядом с которым в 1995 г. был открыт Музей военного и трудового подвига в здании, стилизованном под эрзянский головной убор с облицовкой в цветовой гамме георгиевской ленты, и далее – на ул. Советской, где расположены Русский драматический театр и другие учреждения, имеется декор ограждений, тротуара, фонарей в виде стилизованных мордовских орнаментов».

2. На юг – на Площади Дружбы народов (на территории возле монумента «Навеки с Россией», расположенной на противоположном по отношению к Советской площади берегу р. Саранки и благоустроенной в 2000-е гг.; рядом с площадью находятся спортивные здания, также украшенные республиканской символикой, имеется декор тротуарной плитки в виде мордовского орнамента) и прилегающей к ней ул. Рабочей, расположенной к востоку от Советской площади, на которую выходит фасад здания Мордовского национального драматического театра, украшенный разнообразными

мордовскими орнаментами и скульптурами, изображающими женщину в национальном костюме и мужчину с масками предков в руках. Кроме вывесок торец дома на перекрестке ул. Рабочей и Коммунистической на момент исследования украшал юбилейный плакат с изображениями женщин в русском и мордовском костюмах (см. выше);

3. В нескольких кварталах на север от Советской площади расположена Площадь Тысячелетия, представляющая собой пространство между ул. Л. Толстого и ул. Большевистской (напротив главного корпуса Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва), на месте огороженного участка ул. Богдана Хмельницкого, между зданием универсального спортивного зала – бывшего стадиона, перестроенного к чемпионату мира по футболу 2018 г., окрашенного в красный с белым «цвета республики», с приветствиями на мордовских и английском языках и солярной символикой, и заново построенным к 1000-летию единения мордовского народа с народами России здания Республиканской библиотеки им. А. С. Пушкина в красно-розовой цветовой гамме, с декором в виде солярных розеток и вывесками на трех государственных языках республик; на площади, плиточное покрытие которой украшено орнаментами мордовской вышивки, находятся упомянутый выше Камень Тысячелетия и фонтан «Звезда Мордовии», конфигурация которого соответствует форме солярной розетки;

4. Туристическая этнизированная зона по ул. Саранской, на юго-запад от Советской площади и к западу от ЦПКиО им. А.С. Пушкина, поблизости от берега р. Саранки, которая содержит здания коммерческого назначения – ресторан национальной кухни «Мордовское подворье», гостиницу Park Hotel со звездочками, стилизованными под солярные розетки, а также аналогичную отделку частных деревянных и каменных домов и заборов, выполненную к «миллениуму» в 2012 г. С улицы открывается вид на противоположный крутой берег Саранки с кафедральным собором и памятником патриарху Никону. Таким образом, архитектурными знаками «титულიной» этничности в той или иной степени маркирована вся центральная часть современного Саранска.

Можно также заключить, что степень этнизации городского пространства центральной части Ижевска и Саранска неодинакова: в основном этнические символы концентрируются на магистральных улицах, возле перекрестков, на площадях возле зданий культурного и административного назначения. В Ижевске отмечается концентрация «этнических» названий магазинов и кафе, приветствий на удмуртском языке вдоль трамвайных маршрутов по ул. К. Маркса (салон связи) и ул. Ленина (вывески кафе и учреждений, обращения на удмуртском языке на дорожных магазинах одежды и обуви, очевидно рассчитанные на визитеров из сельской местности), а также на главных улицах «старого» и «нового» центра (М. Горького – монумент «Навеки с Россией», Государственный национальный театр с вывеской на удмуртском языке, «этнические» названия магазинов, ул. Пушкинская – вывески учреждений, аптека с солярной розеткой из состава государственной символики Удмуртии, газетные киоски). Остальные улицы характеризуются либо средней степенью этнизации (ул. Университетская и Ломоносова с отдельными вывесками корпусов Удмуртского государственного университета на удмуртском языке, ул. Советская, ул. Кирова, ул. Лихвинцева, ул. Коммунаров, ул. Пастухова, ул. В. Сивкова с вывесками музеев (ул. Коммунаров и ул. В. Сивкова), театров, магазинов и кафе (ул. Коммунаров), учреждений или газетных киосков), либо минимальной (например, ул. Бородина с сувенирным магазином) и т. д.

В Саранске кроме отмеченных этнизированных зон, прилегающих к Советской площади, высокая степень этнизации характеризует проспект Ленина (вывески учреждений, таблички с названиями улиц, «этнические» названия магазинов и предприятий), а средняя – перпендикулярные Советской улице и Площади Тысячелетия улицы Большевистскую, Пролетарскую, Богдана Хмельницкого, ул. Ботевградскую, Волгоградскую, набережную рек Саранки и Инсара (солярные розетки и звездочки в оформлении бетонированного берега, вид на площадь Дружбы Народов и стадион «Мордовия Арена», окрашенный в «цвет республики»), ЦПКиО им. А.С. Пушкина и магистральные улицы Московскую (на «низах»), Полежаева и Коммунистическую, соединяющие центр города с новыми жилыми районами, ул. Васенко, которая находится на границе жилой застройки, возле промзоны. На этих улицах кроме вывесок учреждений и табличек с названиями улиц имеются также вывески предприятий торговли на мордовских языках (ул. Полежаева), социальная реклама с символикой Саранска как города ЧМ-2018 (ул. Коммунистическая и Ботевградская), сувенирные киоски-матрешки в мордовских костюмах (ул. Большевистская и Пушкинский парк), скульптура (парк и ул. Пролетарская). Минимальная степень этнизации, представленная единичными табличками с названиями улиц и (или) учреждений, характерна для небольших улиц, параллельных центральным – Терешковой, Фе-

досеенко, Демократической, Льва Толстого, проезда Жуковского, а также большинства улиц южнее Саранки (Старопосадской, Мордовской, Садовой, Кирова, Грузинской, Республиканской и т.д.).

По мере отдаления от площадей и на «капиллярных» улицах количество знаков этничности убывает и возрастает количество знаков конкурирующих идентичностей. Так, в Саранске наиболее этнизированный участок ул. Богдана Хмельницкого находится между ул. Большевикской (возле Площади Тысячелетия) и ул. Пролетарской возле зданий музыкального театра им. М.И. Яушева и Республиканского дома культуры, декорированных солярными розетками, вывесками фольклорных коллективов, а дальше на запад, до ул. Ботевградской, этнические символы исчезают, за исключением табличек с названиями улиц, и появляются знаки конкурирующей идентичности в виде «глобалистских» названий сетевых магазинов и барбер-шопа на латинице, мусульманского ателье и т. п. Противоречивое впечатление также производит ул. М. Горького, где наряду с «этническими» объектами – театром, магазинами с названиями на удмуртском языке – встречаются объекты, напоминающие о ее прошлом как Базарной улицы – делового центра города: бизнес-центр «Купеческий», ресторан «Сытый купец», дореволюционные купеческие дома, а возле Площади Оружейников находятся старинное заводское здание Денежной кладовой и восстановленная Михайловская колонна.

Противоречивый характер придает общественным пространствам города присутствие конкурирующей с этнической символики. В случае с наиболее проблемной в этом отношении Советской площадью городские власти Саранска пытаются сгладить общее впечатление от коммунистической символики при помощи вывесок административных зданий и названий улиц, декорирования зданий панно с солярными розетками (Дом Советов), сочетания в витрине магазина «Книжный мир» экспозиции уменьшенных копий работ С.Д. Эрзи (в память о его первой выставке в Саранске, которая размещалась в помещении книжного магазина до того, как был простроен музей изобразительных искусств) и стилизованных советских символов серпа и молота на красном фоне с лозунгом «Магазин на Советской». В Ижевске средоточием знаков конкурирующей идентичности, связанной с историческим прошлым Ижевска как «города-завода» и старого центра оружейной промышленности, являются наиболее посещаемые зоны отдыха: набережная им. С.Е. Дудина [44. С. 54; 55. С. 436] с видом на старинные промышленные здания, выставкой скульптуры из металлолома и стендами с информацией об Ижевске как промышленном городе; проезд А.Ф. Дерябина с плотиной и главным корпусом Ижевского оружейного завода, которое производит большое впечатление даже в полуразрушенном состоянии, и памятником его основателю; Площадь Оружейников с памятником ижевским оружейникам и видом на Михайловскую колонну и Денежную кладовую (музей истории Ижмашзавода). Эта зона соприкасается с этнизированными пространствами ул. М. Горького и Центральной площади, но благодаря тому, что лестница для спуска на пр. Дерябина используется чаще неудобной стилизованной лестницы с эспланады Центральной площади, относительно изолирована от них.

Главная проблема, связанная с восприятием образов этнизированных территорий Ижевска и Саранска, заключается в их создании методами, которыми формировались аналогичные советские «пространства власти», т. е. посредством освобождения от всех социальных функций, кроме идеологической и транзитной (в идеале – функции только пешеходного транзита, как на Центральной площади, Площади Дружбы Народов и Площади Тысячелетия в Саранске). Производство этнизированных архитектурных зон в постсоветский период становится продолжением тенденции к экспансии «псевдопубличных» пространств посредством сноса исторических промышленных и религиозных зданий и старинной жилой застройки, наметившейся в советский период в Ижевске (перенос центра города) и Саранске (разрушение исторического центра), с аналогичным результатом в виде превращения «мест», связанных с идентичностью локальных сообществ, в «не-места».

Насколько обоснованно можно назвать «не-местами» пространства, созданные с целью пропаганды республиканской идентичности и насыщенные этническими элементами государственной символики республик? Отсутствие индивидуальности этих «национализированных» зон следует, с одной стороны, из однообразия форм советской и продолжающей ее традиции постсоветской архитектуры общественных зданий, которая сама по себе не выражает культурную специфику республик, с другой – из однообразия и схематичности «этнических» орнаментов, выбранных в качестве элементов государственной символики и в действительности присутствующих в декоративно-прикладном искусстве целого ряда этнических групп. Отмеченное Ю.П. Шабаевым отождествление коми и ненецкого орнаментов имеет параллель в виде солярной розетки, включенной в гербы Мордовии и Удмуртии. Использование розетки в качестве элемента декора городской среды само по себе даже не позволяет определить

местонахождение этого декора (Ижевск или Саранск). Более удачная в аспекте создания узнаваемого облика города, но совершенно не связанная с местными этнокультурными традициями попытка реконструкции центра была предпринята в Йошкар-Оле в виде строительства «набережной Брюгге» и расположенных поблизости комплекса памятников и зданий, имитирующих известные российские и мировые историко-архитектурные достопримечательности – Кремль, Храм Спаса на крови, Кунсткамеру, итальянское палаццо, памятник Лоренцо Медичи и т. д.

Еще одна характеристика «не-мест» идеологического характера, с нашей точки зрения, обусловлена их нефункциональностью как по прямому назначению, так и в символическом аспекте. Утилитарная афункциональность этнизированных пространств заключается в том, что они не выполняют свое прямое назначение: например, Площадь Тысячелетия не является местом притяжения и общения людей из-за того, что ни спортивный комплекс, ни республиканская библиотека сами по себе не являются «якорными» объектами, и функционирует только в качестве транзитного пространства, дающего возможность перемещения пешеходов в прямом и диагональном направлении – с ул. Большевистской на пр. Ленина и на перекресток ул. Л. Толстого и ул. Коммунистической. Несмотря на наличие музыкального фонтана, полноценным местом отдыха она не является вследствие местонахождения среди улиц с объектами делового назначения, отсутствия обширного пространства зеленых насаждений, скамеек, в отличие, например, от участка ул. Лермонтова с фонтаном в Пятигорске.

Аналогом «не-площади» Тысячелетия в Саранске можно считать «не-лестницу» на спуске от Центральной площади к монументу «Навеки с Россией» на ул. М. Горького в Ижевске, построенную в виде солярной розетки, по которой из-за сложной конфигурации крайне тяжело подниматься и спускаться. Символическая афункциональность обоих объектов обусловлена трудностями их обозрения: форму фонтана на Площади Тысячелетия, также сконструированного в виде солярной розетки, можно в полной мере рассмотреть только с верхних этажей расположенных поблизости зданий редко посещаемой библиотеки, университета и Дома быта на ул. Л. Толстого, как и узоры плиточного покрытия площади с мордовским орнаментом, а форму ижевской лестницы – только с акватории пруда. Отмеченные особенности этнизированных пространств как «не-мест» ставят под сомнение их функциональность в аспекте формирования городской идентичности.

Другим символическим инструментом политики идентичности в архитектурной среде столиц республик является «инфраструктура памяти», включающая различные архитектурные способы меморизации и социальные практики ритуального и символического характера, связанные с ними. Аутентичность подлинных зданий, связанных с прошлым, может быть утеряна в результате сноса или перестройки зданий, старинные объекты могут давать мало информации об их первоначальном виде вследствие стихийного разрушения (остатки сторожевого вала в Саранске), поэтому вновь созданные мемориальные объекты часто выглядят более аутентичными, чем сохранившиеся: например, парк скульптуры из металлолома на набережной Ижевского пруда выглядит замечательно как сам по себе, так и в качестве инструмента меморизации индустриальной истории города. При сооружении зданий и памятников, составляющих композиционные центры архитектурных «мест памяти», проектируется режим видимости, учитывающий их значимость в городской политике памяти: так, Свято-Михайловский кафедральный собор в Ижевске и Свято-Феодоровский – в Саранске, а также военные мемориалы построены с учетом необходимости перспективы для их визуального восприятия.

Учитывая отмеченную Ш. Зукин относительность различий между «объективной» и «субъективной» аутентичностью городских пространств, можно выделить среди городских архитектурных «мест памяти» несколько категорий в зависимости от степени объективной аутентичности по критерию соответствия первоначальным целям городских пространств.

1. Исторические здания и сооружения, созданные на той территории, которую они в настоящее время занимают, в качестве первоначальной застройки исторического центра города или на месте деревянной застройки усадебного типа. Эти сооружения, включая, например, Александро-Невский собор, плотину и исторические здания главного корпуса Ижевского оружейного завода, Арсенал и пристройку к нему начала XX в., занимаемую президентской администрацией (Ижевск), а также Иоанно-Богословскую церковь 1693 г., сторожевой вал и сохранившиеся церкви XIX в. (Саранск), представляют ценность как памятники дореволюционной или советской архитектуры. Придание этим сооружениям формального статуса памятников архитектуры и реальные усилия по их восстановлению зависят от степени понимания их ценности властями города и республик: так, в Саранске в процессе подготовки к «миллениуму» под снос пошли не только сохранившиеся купеческие дома на ул. Московской, но и па-

мятники советского постконструктивизма – кинотеатр «Октябрь» и здание почтамта в центре города, а здание бывшей школы № 15 (1940 г.) было восстановлено только благодаря передаче духовной семинарии; в Ижевске главное здание Ижевского оружейного завода со знаменитой башней выглядит полуразрушенным, несмотря на статус федерального памятника архитектуры.

2. Здания и сооружения, восстановленные или построенные относительно недавно по новому проекту, выполняющие символическую функцию отсылки к историческому прошлому. К этой категории можно отнести военные мемориалы, а также такие архитектурные «места памяти», как восстановленный Свято-Михайловский собор в Ижевске, сооруженный в XXI в. памятник ижевским оружейникам, а также памятник основателям Саранска и Свято-Феодоровский кафедральный собор, построенный в 2006 г. к западу от Советской (бывшей Соборной) площади [56], который выглядит настолько аутентично, что автора статьи спрашивали, дореволюционное это здание или восстановленное. Облик собора не воспроизводит какое-либо из дореволюционных зданий Саранска, но, безусловно, напоминает об утраченном ансамбле Соборной площади. Собираательные образы памятников ижевским оружейникам или участникам Первой мировой войны основаны на дореволюционных музейных фотографиях, в то время как памятник основателям Саранска – на воображении авторов; объединяет их то, что они увековечивают память об определенной группе, внесшей свой вклад в историю города, и обращены к самой широкой аудитории.

3. Памятники и мемориальные таблицы, названия улиц, посвященные увековечиванию памяти конкретных людей и событий, связанных с историей города и республики, например памятники М.Т. Калашникову и А.Ф. Дерябину в Ижевске, адмиралу Ф.Ф. Ушакову, М.М. Бахтину, Е.И. Пугачеву и героям-стратонавтам на привокзальной площади в Саранске и т. д., также содержащие отсылку к историческому прошлому. Эти мемориалы могут образовывать тематические комплексы, обладающие определенным единством (например, связанные развитием промышленности Ижевска, с Великой Отечественной войной – памятники героям войны в Ижевске и предметы военной техники, установленные в разных районах Саранска), либо представлять собой случайный набор.

4. Сооружения, призванные напоминать о предполагаемых событиях или людях, чья связь с прошлым города или республики также является спорной и предполагаемой, например памятник патриарху Никону в Саранске или скульптура Ижика в Ижевске, изображающая мальчика в отцовском кафтане и цилиндре, которыми награждались лучшие рабочие Ижевского оружейного завода, с золотистыми волосами, маркирующими его удмуртскую этническую принадлежность. Памятник символизирует участие удмуртов в развитии оружейной промышленности Ижевска, однако его визуальная атрибутика не вполне соответствует социальным фактам. Согласно историческим данным удмурты привлекались к работе на оружейных заводах в качестве наименее квалифицированной рабочей силы – так называемых «непременных работников», – переход из которой в категорию квалифицированных рабочих-оружейников, состоявших на военной службе и награждавшихся кафтанами, был запрещен, чем и объясняется их крайне низкая доля в населении поселка Ижевский завод в период Всероссийской переписи населения 1897 г. – 2 % [38. С. 20].

В исследовании ставились также задачи выявления основных мемориальных зон и объектов, включая проведение коммеморативных мероприятий или установку социальной рекламы, напоминающей об истории города и пропагандирующей городскую идентичность, например на набережной Ижевского пруда, а также степень их связи с политикой этнизации городской среды и интеграции в них историко-архитектурного наследия.

В Ижевске можно выделить три такие зоны: военный мемориал на пл. Карлутской, концептуально составляющий одно целое с архитектурным ансамблем Центральной площади, и набережную Ижевского пруда с проездом Дерябина, где расположены историческое здание завода с башней и памятник А.Ф. Дерябину, лестницей на ул. Горького, зданием Денежной кладовой, Михайловской колонной и памятником оружейникам. Обе зоны граничат с «национализированными» пространствами – Центральной площадью и стелой «Навеки с Россией», но в целом этнизированы в минимальной степени. Третья зона включает исторические здания Арсенала (Национальный музей) и президентской администрации (XIX – начало XX вв.) на ул. Коммунаров и Лихвинцева, также связанные с исторической индустриальной идентичностью Ижевска, и демонстрирует пример сохранения историко-архитектурного и его наиболее удачной интеграции в современную символическую политику. Основная проблема второй зоны заключается в опасности утраты здания завода в случае дальнейшей недооценки его значимости и необходимости усилий по его восстановлению.

Как и в Саранске, мемориальные места Ижевска не ограничиваются отдельными территориями, а имеются в разных частях центральной части города. При этом в политике меморизации Ижевска более заметны компоненты, не связанные с этничностью, например открытие музейно-выставочного комплекса им. М.Т. Калашникова в 2004 г., памятника ижевским оружейникам, воссоздание Михайловской колонны в 2007 г., тогда как в Саранске «национализации» в той или иной степени подвергаются все архитектурные достопримечательности, включая вид на Свято-Феодоровский кафедральный собор с южного берега Саранки. Будущее мемориальных зон Ижевска в случае утраты исторических зданий демонстрирует архитектурная «инфраструктура памяти» Саранска, созданная заново после разрушения исторического центра.

На наш взгляд, в центре Саранска можно выделить две мемориальные зоны, включающие ряд достопримечательностей, упомянутых в путеводителе республиканского туристско-информационного центра для болельщиков кубка ФИФА 2018 г. [57. С. 12-13], так как площадь Дружбы народов и на южном берегу Саранки в коммеморативных практиках используется редко: 1) Площадь Победы с монументом Вечной Славы и Вечным огнем, мемориальным музеем, памятником воинам-интернационалистам, монументом «Побег из ада» в честь Героя Советского Союза летчика М.П. Девятаева, часовней Св. Александра Невского и находящимися вне зоны видимости с площади памятником воинам Первой мировой войны и выставкой военной техники Великой Отечественной войны. Вследствие использования образа эрзянского головного убора в архитектуре монумента Вечной Славы и музея этот ансамбль вносит существенный вклад в политику «национализации» общественных пространств центра Саранска, которая закрепляется в сознании горожан посредством ритуальных практик: например, во время праздничного шествия в День Победы 2018 г. по площади прошли женщины в мордовских национальных костюмах, а ведущий сообщил о ветвях яблони («умарины»), которые якобы донесли до Москвы добровольцы из числа мордвы в память о родной земле.

Вторая зона включает часть ул. Красноармейской, примыкающей к Пушкинскому парку, с Успенской церковью XIX в., современным музейно-архивным комплексом с оформлением в виде куполов, мост через р. Саранку на ул. Пролетарской и вид снизу на противоположный высокий берег и расположенные на северном берегу памятник патриарху Никону, беседку-ротонду, Свято-Феодоровский кафедральный собор с новой Соборной площадью и часовню Св. Александра Невского. Хотя эта зона почти полностью состоит из современных зданий, ее также можно назвать мемориальной, так как назначение этого пространства заключается в имитации утраченного вида Саранска, открывавшегося при въезде на Острожную гору с ул. Трехсвятской (современная Московская) с противоположной стороны парка, а памятник Никону, вывески на государственных языках республики и элементы декора зданий и оград в «национальном» мордовском стиле также частично этнизируют ее. Судя по описанию этих достопримечательностей в путеводителе для болельщиков, где сделан акцент на историческом прошлом мордовского народа, в данном случае имеет место сознательное конструирование образа Саранска как старинной столицы этнической территории мордвы.

Заключение

Исследование городских общественных пространств Ижевска и Саранска показало, что реконструкция архитектурной среды столиц республик в составе Российской Федерации является в настоящее время значимым элементом политики столичной и республиканской идентичности, использование которого стимулируется как собственно политическими мотивами, так и интересами строительного бизнеса. Суммируя результаты исследования, можно заключить, что городская идентичность может рассматриваться одновременно и в качестве продукта этой политики, и в качестве фактора, определяющего ее содержание. Наличие определенного ядра горожан внутри групп, принимающих градостроительные решения, способствует ее преобладанию, сохранению историко-архитектурного наследия и интеграции его в современную архитектурную среду Ижевска. При этом случай Саранска демонстрирует, что процесс формирования «исторического» образа центра города при помощи имитаций утраченных аутентичных объектов, соответствующих принятой в исторической политике версии его прошлого в качестве «этнической» столицы, можно осуществлять уже после разрушения исторической архитектуры и даже параллельно с ним. В то же время мы считаем нужным избегать полярного противопоставления Ижевска и Саранска в данном аспекте, так как в политике идентичности руководства обеих столиц и республик прослеживается тенденция к конструированию идентичности столичного населения на основе «национализированной» республикан-

ской идентичности, хотя только в Саранске она преобладает. Эта тенденция включает этноисторический компонент, реализуемый в процессе реконструкции городской архитектурной среды. Ограничения воздействия политики этнизации общественных пространств на сознание населения связаны с использованием в этом процессе унаследованных от советского периода методов конструирования «пустых» псевдопубличных пространств, осуществляющих исключительно идеологические и транзитные функции, что способствует их восприятию в качестве лишенных идентичности «не-мест».

Социологические данные, позволяющие оценить социальную республиканскую и городскую политику идентичности, являются неполными и лишь не сопоставимы для Ижевска и Саранска, однако они позволяют сделать вывод о том, что любое новое или восстановленное масштабное сооружение: так, опрос в Ижевске выявил тенденцию к быстрой переоценке «мест-брендов» города, среди которых в 2008 г. на первом оказался недавно восстановленный Свято-Михайловский собор (75,6 % опрошенных) [50. С. 48-50], а опрос населения г. Саранска в 2016 г. (n=261) показал, что в числе таких мест имеются как достопримечательности советского периода (Музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи (59,8 %)), так и недавно сооруженные (Свято-Феодоровский собор (76,2 %), фонтан «Звезда Мордовии» (32,6 %), новый корпус МГУ им. Н.П. Огарева (29,5 %)) [58. С. 69].

Однако в настоящее время практически отсутствует информация о влиянии трансформации символической архитектурной среды общественных пространств обеих столиц на формирование и трансформацию идентичности их населения, включая стремление оставаться или становиться жителями города, а также значимость для ее формирования различных компонентов самоидентификации городского населения: республиканской и этнической идентичности, исторической самоидентификации старожилов города, взаимное влияние исторической политики, включая отдельные архитектурные «места памяти», различные по степени аутентичности, и этнизирующей политики идентичности и их вклад в формирование идентичности столичного населения и т. д. Эти проблемы нуждаются в дальнейшем изучении с использованием количественных и качественных методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шабаяев Ю.П. Культурное пространство столицы Коми: первичный и вторичный текст // Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал. 2012. № 4 (6). С. 89-98.
2. Yatsyk A. Regional Dimensions of Global Games: The Case of Sports Mega Events in Tatarstan // *Mega Events in Post-Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and Exclusion* / ed. by A. Makarychev and A. Yatsyk. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 173-195.
3. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников, под ред. Л.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
4. Амин Э., Трифт Н. Переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. 12 с. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02/pdf> (дата обращения: 20.08.2019).
6. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
7. Зукин Ш. Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.
8. Зукин Ш. Обнажённый город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств // Экономическая социология. 2018. Т. 19, № 1. С. 62-91.
9. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. №3. С. 95-107.
10. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
11. Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. 256 с.
12. Brubaker R. *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. 439 p.
13. Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 4. С. 698-717.
14. Минаева Э.Ю., Панов П.В. Этнические региональные автономии: вариативность соотношения этнических и политико-административных границ // Политическая наука. 2017. № 4. С. 178-205.
15. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. С. 45-60.
16. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
17. Brubaker R. *Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States* // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34. P. 1785-1814.

18. Осипов А.Г. Национализм и символическое производство мультиэтничности в России: национально-культурная автономия и этнический федерализм // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / сост. М. Ларюэль. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 157-183.
19. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в регионах России: научное электронное издание / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВО Петрозавод. гос. ун-т. Электрон. дан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 88 с.
20. Макарова Г.И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования // Вестник Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 29, вып. 1. С. 84-94.
21. Макарова Г.И. Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 2. С. 338–357.
22. Сагитова Л.В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, АН РТ, 2018. 360 с.
23. Головнева Е.В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1 (123). С. 198-203.
24. Головнева Е.В. Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности // Социология власти. 2014. № 2. С. 56-64.
25. Малинова О.Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред., и др. М.: ИНИОН РАН, 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 7-20.
26. Туровский Р.Ф. Технология национальной политики правящего класса в регионах // Русский журнал – Тема недели. Вып. № 1(57). 2 февраля 2011. С. 8-9. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Journal/57/7.pdf (дата обращения: 20.08.2019).
27. Туровский Р.Ф. Бремя пространства как политическая проблема России: Какая территориально-политическая модель в наибольшей степени соответствует особенностям российской географии? // Логос. 2005. № 2. С. 124-171.
28. Дятлов В.И. Столицы сибирских автономий: советский проект нацистроительства и этнизация городского пространства // Республики на Востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ: Изд-во БИЦ СО РАН, 2018. С. 238-247.
29. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.
30. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
31. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
32. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
33. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <http://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения 20.08.2019).
34. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50/
35. Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128-140.
36. Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник / под ред. А.П. Садохина, Ю.П. Шабаева. М.: Директ-Медиа, 2014. 969 с.
37. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов 2018: стат. сб. М.: Росстат, 2018. 443 с.
38. Сахарных Д.М. Город Ижевск // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журн. 2009. № 2 (6): Ментальные карты Ижевска: Атлас городской среды / под общ. ред. Д.М. Сахарных. Ижевск: Копировальный салон «Юнита», 2009. С. 7-28.
39. Куклин В.Н. Биографии саранских улиц. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск: Мордов. кн. Изд-во, 1990. 320 с.
40. Саранск 1960–1970-х годов / сост. и тексты С. Бахмутова; фот. Б. Бахмутова. Саранск, 2017. 240 с.
41. Плохой Саранск // Варламов.ру – ЖЖ. 6 октября 2016. URL: <https://varlamov.ru/2002609.html> (дата обращения 20.08.2019).
42. Плохой Ижевск // Варламов.ру – ЖЖ. 26 мая 2015. URL: <https://varlamov.ru/1360374.html>. Дата обращения: 20.08.2019 г.
43. Севрюков О.В. Ижевск: Краеведческий очерк. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск: Удмуртия, 1972. 271 с.
44. Рупасов Н.Ю. Ментальные карты Ижевска: стартовые позиции и перспективы города // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журн. 2009. № 2 (6): Ментальные карты Ижевска: Атлас городской среды / под общ. ред. Д.М. Сахарных. Ижевск: Копировальный салон «Юнита», 2009. С. 29-75.

45. Стратегия социально-экономического развития городского округа Саранск до 2025 года: Приложение № 1 к Постановлению Администрации городского округа Саранск от 30 апреля 2013 г. № 1096. 221 с. URL: <http://city-strategy.ru/UserFiles/Files/Saransk2025.pdf> (дата обращения: 20.08.2019).
46. Финальная концепция реконструкции Центральной площади Ижевска // *Tehne*. 6 апреля 2014. URL: <http://tehne.com/event/novosti/finalnaya-konceptsiya-rekonstrukcii-centralnoy-ploshchadi-izhevsk> (дата обращения: 20.08.2019).
47. Отчет по результатам проектного семинара по 3-ей очереди благоустройства Центральной площади города Ижевска. Ижевск: Центр развития городской среды Удмуртской Республики. 44 с. URL: <https://yadi.sk/d/ZCsmnSuO3fvRhg> (дата обращения: 20.08.2019).
48. Графические материалы: подэтап 20.3. Отчет 20.4. Концепция (дизайн-проект) благоустройства ключевых общественных пространств. Ижевск. Центральная площадь / Единый институт развития в жилищной сфере АО «АИЖК»; ООО «КБ Стрелка». 44 с. URL: <https://yadi.sk/d/-jNPhJG-3ZMQkv> (дата обращения 20.08.2019).
49. «Явавтык симемат» // Столица С. Историческая фотография. URL: <https://stolica-s.su/specprojects/198843>. (дата обращения: 20.08.2019).
50. Постановление Администрации ГО Саранск «Об утверждении Реестра элементов улично-дорожной сети городского округа Саранск от 4 мая 2017 года № 957 (с изменениями на 30 октября 2018 года) // Консорциум «Колдекс»: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/450230993> (дата обращения: 20.08.2019).
51. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. М.: ИЭА РАН, 2009. 147 с. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1316.doc> (дата обращения: 01.06.2012).
52. Халецкая И. Приехать в Саранск и умереть от восторга. Как изменился город к ЧМ-2018 // РИА Новости. 25 сентября 2017. URL: <https://ria.ru/20170925/1505383040.html> (дата обращения: 20.08.2019).
53. Солдатова А.В., Ширманов Е.В., Смолин А.Г. Символы и образы идентичности жителей Республики Мордовия // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 174-177.
54. Карта Саранска // Туристско-информационный центр Республики Мордовия. URL: <https://turizmrm.ru/assets/documents/mundial/karta-saranska.pdf> (дата обращения: 20.08.2019).
55. Поварницына Ю.П. Фланирование как социокультурная практика в пространстве постсоветского индустриального города // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, вып. 4. С. 429-443.
56. Фотоальбом // Официальный сайт городского округа Саранск. URL: <http://adm-saransk.ru/photogallery> (дата обращения: 20.08.2019).
57. Добро пожаловать в Саранск // [путеводитель] Туристско-информационный центр Республики Мордовия. Саранск: [Б. и.], 2018. 44 с. URL: <https://turizmrm.ru/assets/documents/mundial/saransk-rus.pdf> (дата обращения: 20.08.2019).
58. Гусева Е.Н. Конструирование привлекательного социального имиджа города (на примере г. Саранска). Саранск: Национальный исследовательский Мордовский гос. университет им. Н. П. Огарёва, 2016. 109 с.

Поступила в редакцию 06.09.2019

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

E-mail: kafedra_sociologii@mail.ru

Гусева Елена Николаевна, магистр по направлению подготовки «Социология»,
аспирант кафедры социологии

E-mail: enguseva@inbox.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68

O.A. Bogatova, E.N. Guseva

**HISTORICAL MEMORY AND ETHNICITY IN THE URBAN ARCHITECTURAL ENVIRONMENT
AS A FACTOR OF SOCIAL IDENTITY CONSTRUCTION IN THE CAPITALS
OF THE RUSSIAN FEDERATION REPUBLICS ON THE EXAMPLE OF IZHEVSK AND SARANSK**

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-409-429

The article analyzes the social practices of memorization and ethnicization in the process of post-Soviet transformation of the architectural landscape of the capitals of the Finno-Ugric republics, by the republican elites with the aim of constructing a stable regional identity of the capital's population on the example of the Republic of Mordovia and the

Udmurt Republic. The purpose of the study is to identify the basic social technologies for using the cultural and symbolic aspects of the urban architectural environment, including the historical and cultural heritage, and the newly created elements for the purpose of “memorial management” and to give ethnic flavor, the trends in their evolution and the main results of using such technologies in the post-Soviet period. Based on the data of standardized observation, the intensity of the concentration of ethnicization of the urban architectural environment is compared, the main places of concentration of signs of ethnicity and historical memory in the urban space of Izhevsk and Saransk, common features, strategic features, results and limitations in the research perspective of sociological concepts of identity politics, historical politics, city sociology, public spaces, “places” and “non-places” are identified. The main verbal (language of signs, slogans), monumental (sculpture, commemorative signs, architectural decoration of buildings, stairs, fountains, etc.), visual (social advertising, ethnic symbols in illuminations, holiday decoration of buildings) means of ethnicization of urban environment design are described, as well as architectural images that indicate alternative ethnic strategies for the formation of the capital’s identity. The general trends and problems associated with the redevelopment of the urban environment and the transformation of “arrogant” Soviet public spaces into places of recreation and communication are revealed. Among the limitations of the effectiveness of the historical policy and the policy of ethnicization of urban spaces, the author considers the conscious implementation of alternative strategies for the formation of urban identity by various social actors, the binding of iconic architectural objects to “empty” pseudo-public spaces or sports facilities that are not “anchor” objects, the creation of symbolic transit spaces in the status of “non-places”, the visual ethnic specificity of which is not available to those who use them.

Keywords: social identity, city, ethnicization of city spaces, identity policy, republics of the Russian Federation.

Received 06.09.2019

Bogatova O.A., Doctor of Sociology, Professor

E-mail: kafedra_sociologii@mail.ru

Guseva E.N., Master of Sociology, postgraduate student at Department of Sociology

E-mail: enguseva@inbox.ru

National Research Ogarev Mordovia State University

Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Russia, 430005